

ОКСАНА МИХАЙЛОВНА ГРУНЧЕНКО

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-8754-6975; ogrun@yandex.ru

АННА СЕРГЕЕВНА КУЛЕВА

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-6536-3943; an_kuleva@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕДСТАВЛЕНИИ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ

А н н о т а ц и я . Лексикографическое описание названий растений (фитонимов) является актуальной проблемой, поскольку данные существующих толковых словарей неполны, противоречивы и несовременны. Можно поставить под сомнение выбранный лексикографами прошлого научно ориентированный подход, поскольку шаблонные толкования типа «травянистое растение семейства сложноцветных» часто оказываются не только неинформативными, но и неточными или неверными с точки зрения естественно-научной парадигмы. Попытка описывать названия растений только как часть научной номенклатуры привела к тому, что из толковых словарей исключались устаревшие, варианты, разговорные и подобные номинации. В результате словари стали описывать искусственно ограниченную и стилистически нейтрализованную группу слов. Анализ современных источников, в том числе корпусных, приводит к мнению, что толковые словари призваны отражать не специальное, а именно общеязыковое употребление названий растений. В таком понимании эта группа лексики представляет собой обширный и разнородный пласт единиц, находящихся в сложных семантических отношениях: одно растение может иметь несколько названий, различающихся диахронически, стилистически, функционально, одно название может относиться к разным растениям. Лексикографическое описание названий растений должно строиться на лингвистических основаниях.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лексикография, лексикология, толковый словарь, фитонимы, растения

Д л я ц и т и р о в а н и я : Грунченко О. М., Кулева А. С. К вопросу о представлении названий растений в толковом словаре // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 3. С. 36–44. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1022

ВВЕДЕНИЕ

Работа над новыми толковыми словарями современного русского языка во многом строится с опорой на существующие словари, отражающие язык нескольких хронологических срезов XX века, – это Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова¹ (СУ), Большой академический словарь² (БАС) и Малый академический словарь³ (МАС), однотомные словари под редакцией С. И. Ожегова⁴ и Н. Ю. Шведовой⁵ (СОШ / СШВ). Наиболее продуктивным методом работы в таком случае становится не столько удаление и добавление отдельных лексем, сколько системная проработка различных групп лексики. Одним из лексических пластов, заслуживающих специального внимания и дополнительного

исследования, следует назвать фитонимы – названия растений. Как показывает анализ выборки соответствующих словарных статей (общим числом около 700), в авторитетных толковых словарях названия растений отражены очень непоследовательно. Во многом это можно объяснить выраженным стремлением отечественных лексикографов рассматривать данную группу лексики преимущественно как ботанический номенклатурный подкласс: представляется, что такой подход обусловил как формирование словника в этой сфере, так и попытку выработки типизированных толкований. С одной стороны, от словаря к словарю исключались лексемы устаревшие, областные, стилистически окрашенные или дублетные, в результате формировался однородный и «одномерный» словник с искусственно

сглаженной стилистической шкалой. С другой стороны, формульные наукообразные толкования зачастую оказывались малоинформативными. Кроме того, пополнение словаря новыми единицами, отражающими актуальную практику словоупотребления, существенно запаздывало.

Таким образом, рассматриваемая лексическая группа в существующих толковых словарях оказывается недостаточно полной, содержащей устаревшие сведения и противоречиво описанной. Для исправления сложившейся ситуации в современных словарях (в частности, статья опирается на опыт работы над новым толковым словарем среднего типа (АТос⁶)), как представляется, требуется не только комплексный анализ отмеченных недостатков, но и пересмотр подхода к лексикографированию лексических единиц такого рода. Рассмотрим примеры словарных статей.

НАУЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В ТОЛКОВАНИИ ФИТОНИМОВ

Как было сказано, нетрудно заметить, что от словаря к словарю толкования в словарных статьях, описывающих фитонимы, менялись в сторону большей научности с явной ориентацией на естественно-научную парадигму. Ср.:

СУ: **ПУПА́ВКА**, -и, жс., и **ПУПА́ВНИК**, -а, м. Полевое сорное растение.

БАС: **ПУПА́ВКА**, -и, род. мн. -вок, жс. Многолетнее пахучее сорное растение сем. сложноцветных, с ветвистым стеблем и желтыми цветками. **ПУПА́ВНИК**, -а, м. То же, что пупавка.

МАС: **ПУПА́ВКА**, -и, род. мн. -вок, дат. -вкам, жс. Травянистое растение сем. сложноцветных, с ромашковидными соцветиями, состоящими из желтых трубчатых срединных и белых или желтых краевых цветков.

Отметим, что в МАС по сравнению с СУ была исключена вариативность *пупавка / пупавник*, а неконкретное толкование, основанное только на сельскохозяйственном подходе (*полевой сорняк*), сменилось описанием, ориентированным на ботаническую классификацию и терминологию (*травянистое растение сем. сложноцветных, ромашковидные соцветия* и т. п.). С другой стороны, такое толкование едва ли позволяет отличить *пупавку* от других растений того же семейства, имеющих бело-желтые цветки, ср.:

СУ: **РОМА́ШКА**, -и, жс. (бот.). **1.** только ед. Однолетнее травянистое растение из сем. сложноцветных. <...>

БАС: **РОМА́ШКА**, -и, род. мн. -шек, жс. **1.** Травянистое растение сем. сложноцветных с одиночными цветками, белыми по краям и желтыми в середине. <...>

МАС: **РОМА́ШКА**, и, род. мн. шек, дат. шам, жс. Травянистое растение сем. сложноцветных, с цветками, состоящими из белых лепестков и желтой трубчатой середины.

СШв: **РОМА́ШКА**, и, жс. **1.** Травянистое растение сем. сложноцветных с цветками, у к-рых лепестки обычно белые, а середина жёлтая; сам такой цветок. <...>

СУ: **ПОПÓВНИК**, -а, м. (бот.). Луговое сорное растение, сходное по цветам (с белыми лепестками и желтой серединкой) с ромашкой.

БАС: **ПОПÓВНИК**, -а, м. Луговое сорное растение сем. сложноцветных, цветами похожее на ромашку.

МАС: **ПОПÓВНИК**, а, м. Луговое или полевое травянистое растение сем. сложноцветных, с цветками, похожими на ромашку.

БАС: **ПИРÉТРУМ**, -а, м. **1.** Травянистое или полукустарниковое растение сем. сложноцветных; ромашка. <...>

Если же обратиться к собственно ботаническим источникам, можно увидеть, что научный компонент (как и энциклопедические сведения) в толковых словарях передается не так и точно. Ср. в Биологическом энциклопедическом словаре (БЭС)⁷:

НИВЯНИК (*Leucanthemum*), род травянистых растений сем. сложноцветных. Соцветия – б. ч. крупные одиночные корзинки. <...> В умеренном поясе широко распространён стержнекорневой многолетник – Н. обыкновенный, или **поповник**, ромашка луговая (*L. vulgare*).

ПИРЕТРУМ ромашник, ромашка (*Pyrethrum*), род многолетних травянистых растений сем. сложноцветных. Корзинки одиночные или собраны в общее щитковидное соцветие. Ок. 100 видов <...> часто культивируемый П. цинерариелистный, или далматская ромашка (*P. cinerariifolium*, или *Tanacetum cinerariifolium*) <...> П. розовый, или персидская ромашка (*P. roseum*), и П. красный, или кавказская ромашка (*P. coccineum*). П. большой, или бальзамический кануфер (*P. majus*, или *Tanacetum balsamita*) <...> выращивают как пряность. <...> Род П. часто объединяют с родами пижма и хризантема.

ПОПОВНИК растение рода нивяник. П. изредка наз. также виды рода пиретрум.

ПУПАВКА (*Anthemis*), род одно- и многолетних трав, реже полукустарничков сем. сложноцветных. Краевые язычковые цветки в корзинке с белым, жёлтым, золотисто-жёлтым и изредка розовым отгибом (у некоторых язычковых цветков нет). <...>

РОМАШКИ травянистые растения сем. сложноцветных из неск. близких родов. Настоящие Р. – однолетники с коническим полым ложем соцветия и с ослизняющимися во влажном состоянии семянками. К роду хамомила (*Chamomilla*) относятся Р. аптечная, или ободранная (*C. recutita*), и Р. ромашковидная, или пахучая (*C. suaveolens*), прежде относимые к роду матриcaria (*Matricaria*). <...> **Народное назв. «Р.»** относится и к тем растениям из родов нивяник, пиретрум и др., у к-рых срединные трубчатые цветки в корзинке жёлтые, а краевые ложноязычковые цветки («лепестки») белые.

Материал Национального корпуса русского языка (НКРЯ)⁸ дает представление об употребительности приведенных лексем. Ср.:

ромашка – в основном корпусе 971 употребление (*ромашник* – 1), в газетном – 1989;

нивяник – в основном корпусе 0 употреблений, в газетном – 20: *В компанию к колокольчикам поместите привычные глазу ромашки, из которых на зависть соседям выберите нивяник кавказский, обладающий великолепными крупными цветками* [Дача для июньского отпускника // «Аргументы и факты», 2005.11];

пиретрум – в основном корпусе – 4, в газетном – 44: *Поляна была сплошь покрыта цветами белого пиретрума* [С. Григорьев. За метеором // «Знание – сила», 1932]; *Из многолетних видов в средней полосе России чаще всего выращивают хризантему нивяник, или поповник, и хризантему пиретрум, которые в последнее время стали относить к роду хризантем* [Хризантемное // «Аргументы и факты», 2001.11];

поповник – в основном корпусе – 6, в газетном – 2: *Нюра то и дело нагибается, рвет скромные блеклые незабудки, фиолетово-синий мышинный горошек и похожий на яичницу-глазунью бело-желтый поповник* [Н. Дубов. Огни на реке (1966)];

пулавка – в основном корпусе – 7 (*пулавник* – 0 употреблений): *Поляна цвела перед ней разнотканым ковром. Цветы были нежные, райские. Алые капли гвоздики, воздушные на тонких стеблях колокольчики, шелковистая дрема, похожая на ветерок, залпывавший между травы, ярко блиставшие, подобные белому дню, головки пулавок, раковые шейки метелками, напротив того, умерявшие свет тихой своей фиолетовостью, желтые лютики, чем-то напоминавшие пасхальные свечи в весеннюю ночь, и, наконец, у самой земли, разноцветные стайки анютиных глазок, похожих на маленьких девочек в ситцевых платьицах...* [И. Новиков. Жертва (1921)]; *По стеблю оранжевой пулавки ползет прозрачно-зеленая тля* [Н. Крышук. Отступление // «Звезда», 2003].

Итак, вполне употребительными (особенно в газетном корпусе, где преобладают современные примеры), оказываются лексемы *нивяник* и *пиретрум*, которые отсутствуют в толковых словарях, тогда как вариант *пулавник* в примерах не представлен. Кроме того, обнаруживаются примеры, которые явно противоречат словарным толкованиям (*оранжевая пулавка*), однако соответствуют энциклопедическим.

Существенно, что статьи из БЭС (как и примеры из НКРЯ) демонстрируют, что лексемы соответствующей группы находятся в сложных отношениях между собой: одни называют ботанический род (*пулавка*), другие – отдельный вид в составе рода (*поповник* vs *нивяник*), третьи – различные внешне похожие растения (*ромашка*), причем частотность ботанически неточного, обобщенного названия *ромашка* разительно отличается от единично употребленных более точных с научной точки зрения названий. Более того, именно ботанические источники демонстрируют отсутствие однозначности и научной строгости в сфере названий растений: в одну ботаниче-

скую единицу могут объединяться растения с различными названиями, а одним названием могут быть названы различные объекты материального мира (ср.: *ромашка* vs *хризантема*, *пулавка*, *кануфер*, *пижма*, *матрикария*), и граница между номинациями оказывается довольно зыбкой. В результате некоторые «научоцентричные» словарные толкования оказываются нерелевантными именно с ботанической точки зрения: например, толкования для *пулавки* в МАС и БАС относятся к отдельным видам этого растения, тогда как определение значения слова *ромашка* как «растение сем. сложноцветных» создает ложное представление о том, что в систематике выделяется такой род.

Таким образом, названия растений оказываются принципиально разнородной, сложно организованной группой, в которой обиходные названия зачастую более употребительны, чем научные номенклатурные.

ПРОБЛЕМА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННЫХ ФИТОНИМОВ

Как было сказано выше, наукоцентричный лексикографический подход привел к тому, что из словарей постепенно исключались «недостаточно научные» названия растений – неконкретные (*желтоцвет*), устаревшие (*шоколадник* ‘какао’), областные (*бурак*, *ржанец*) и стилистически окрашенные, ср.:

СУ: СМОРО́ДА, -ы, мн. нет, ж. (обл.). То же, что смородина. *Красная с.*

МАС: СМОРО́ДА, ы, ж. *Прост.* То же, что смородина.

МАС: КОНОПÉЛЬ, и, ж. *Устар. и обл.* То же, что конопля. *И понемногу начало назад Его тянуть: в деревню, в темный сад, Где пахнет конопелью да крапивой.* Тургенев, Лес и степь.

В результате при обращении к толковым словарям складывается впечатление, что «ненаучные», обиходные, стилистически сниженные названия тяготеют к устаревшей лексике, вытесняются со временем за пределы литературного языка. Очевидно, что это представление ложное. Помимо действительно неактуальных лексем типа *конопель*, стилистически окрашенные названия занимают значительное место в рассматриваемой группе. Прежде всего, это обиходные наименования типа *ромашка*, а также многочисленные названия, не попавшие в толковые словари, но нередко используемые и сейчас (ср.: *девица в зелени* / *чернушка* / *нигелла*, *ванька мокрый* / *недотрога* / *бальзамин*, *цыганские серьги* / *фуксия*, *майорчики* / *цинния*, *весё-*

лые ребята / *однолетние георгины*). Более того, этот лексический пласт постоянно пополняется новыми единицами, которые не находят отражения в толковых словарях. Ср.: **сентябрики** / **октябрики** ‘многолетние астры’, **денежное дерево** / **толстянка** / **крассула**, **долларовое дерево** / **цветок безбрачия** / **замиокулькас** и др.

Такая ситуация тем более удручает, что в русской толковой лексикографии в принципе существует традиция описания различно функционирующих единиц и значений в сфере фитонимов.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

«Наукоцентричный», номенклатурный подход к фитонимам предполагает установку на их терминологичность, которая, прежде всего, требует не только стилистической нейтральности, но и однозначности. Реально же типичной оказывается ситуация, когда одному денотату (в данном случае – растению) соответствует несколько номинаций, различающихся стилистически и/или функционально, а одно и то же название может относиться к разным растениям, зачастую даже не родственным в ботаническом смысле.

Очень важно, что в основных толковых словарях встречается несколько типов удачного и экономного истолкования разных типов названий растений. Во-первых, это описание реальной многозначности лексемы: как правило, разграничение ботанического именования (в примере ниже – *багульник*, *Ledum*) и обиходного применения этого названия к другому растению (*Rhododendron*). Ср.:

МАС: **БАГУЛЬНИК**, -а, м. 1. Вечнозеленый низкий ядовитый кустарник сем. вересковых, с одурманивающим запахом, растущий на торфяных болотах. *Пряный запах багульника стоит в лесу, одурманивая охотника в жаркие дни.* Туров, Очерки охотника натуралиста. 2. Распространенное название даурского рододендрона. *Зацвел багульник, и склоны сопок заполыхали фиолетово-малиновым огнем.* Ажаев, Далеко от Москвы.

СШв: **БАГУЛЬНИК**, -а, м. 1. Вечнозеленый болотный с одурманивающим запахом кустарничек сем. вересковых. 2. Народное название кустарникового растения с нежными сиренево-розовыми цветками – одного из видов рододендрона.

Во-вторых, используется истолкование менее распространенной, но более ботанически точной номинации через обиходный синоним и наоборот – разговорной единицы через нейтральный синоним. Ср.:

МАС:

КАЛЕНДУЛА, -ы, ж. Травянистое растение сем. сложноцветных, с оранжево-желтыми соцветиями; **ноготки**.

СТОЛЕТНИК, а, м. Народное название растений **алоэ** и **агавы**. *Это растение [агава] цветет очень редко,*

за что оно получило название «столетника». А. В. Кожевников, Весна и осень в жизни растений.

Оба приема (фиксация многозначности и толкование через синоним) очень удачны, поскольку позволяют сочетать описательное толкование и отсылку к фоновым знаниям читателя. Такие примеры, позволяющие проследить пути семантических сдвигов, развитие производных значений, исключительно интересны. Рамки настоящей статьи не позволяют остановиться на этом аспекте подробнее, можно лишь упомянуть, что часто использование названия одного растения по отношению к другому связано с тем, что более известная лексема соотносится с новым для говорящих растением, причем эти растения схожи по какому-либо важному для носителя языка признаку (так, *рододендрон* и *багульник* – растения одного семейства, в силу этого подобные по внешнему виду, характеру произрастания), но обычно не встречаются рядом в природных условиях, ср.:

АТос (ср. в МАС): **ЖАСМЫН**, а, м. 1. Декоративный кустарник сем. гортензиевых с белыми душистыми цветками, собранными в небольшие кисти; **чубушник**. *Садовый жасмин*. 2. Субтропический кустарник сем. маслиновых, с душистыми цветками, а также ароматизатор, изготовленный из таких цветков. *Чай с жасмином*.

Однако составление словарных статей в подобных случаях сопряжено с рядом трудностей. Прежде всего при фиксации многозначности существует проблема, какое из значений следует описывать первым. В случае с *багульником*, кажется, это очевидно: первым приводится «официальное» значение, вторым – обиходное, производное от первого (при котором была бы уместна помета *Разг.*). В случае с *жасмином* возникает дополнительное обстоятельство – актуальность лексемы для русского языкового сознания, поскольку настоящий *жасмин* в климатических условиях России не распространен. При этом данное растение можно встретить как оранжерейное, и более того, оно широко известно в связи с использованием его цветков в качестве ароматизатора (*чай с жасмином*, *духи с запахом жасмина*). Однако в словарях обычно описывается *жасмин* в обиходном понимании, то есть *чубушник* (так в СУ, СО, СШв; два значения выделяет МАС), причем в БАС дается также оттенок «запах жасмина», который вступает в противоречие с действительностью, поскольку специфический запах присущ используемому в качестве ароматизатора цветкам другого растения, не *чубушника*.

БАС: **ЖАСМЫН**, -а, м. Кустарниковое растение, разводимое в садах и парках, с пахучими белыми цветами;

чубушник. <...> || Название духов с запахом жасмина; запах духов жасмина. <...>

Важной оказывается также проблема выделения «опорной» лексемы при толковании с помощью синонима, поскольку в разных случаях более употребительной может оказаться как научная номинация, часто иноязычная (ботаническая номенклатура традиционно дается на латинском языке), так и обиходная, ср.: **анютины глазки** vs *виола* или *фиалка Виттрока*, **бархатцы** vs *тагетес*, **водосбор** vs *аквилегия*, **касатик** vs *ирис*, **красавка** vs *белладонна*, **кошачья лапка** vs *антеннария*, **кувшинка** vs *нимфея*, **ломонос** vs *клематис*, **львиный зев** vs *антирринум*, **маун** vs *валериана*, **ноготки** vs *календула*, **разбитое сердце** vs *дицентра* (в ряде приведенных случаев выбор основного варианта, выделенного выше полужирным шрифтом, остается предметом обсуждения).

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Интересным случаем для лексикографов стала словарная статья *декабрист*. С одной стороны, до сих пор в толковых словарях эта лексема в качестве фитонима еще не фиксировалась. С другой стороны, называемое этим словом растение относится к числу самых распространенных комнатных цветов и носителям языка хорошо известно. Название *декабрист*, безусловно, является обиходным, его можно характеризовать как разговорное, однако с определением его научного коррелята возникают сложности. В разных ботанических и популярных цветоческих источниках начиная с середины прошлого века встречаются номинации *филлокактус* (*Phyllocactus*), *эпифиллум* (*Epiphyllum*), *зигокактус* (*Zygocactus*), *шлюмбергера* / *шлумбергера* (*Schlumbergera*), однако существуют расхождения в соотношении названий с ботанической единицей (видами в составе рода, разными родами). Название *декабрист* приводится в некоторых источниках как «народное название», наряду с такими как *листокактус* (= *филлокактус*), *Варварин цвет*, *Рождественский кактус* и *рождественник*. Так, в специальной литературе прошлого века: «**Эпифиллум**. *Epiphyllum* Эпифитные плоскочленистые кустики. Красиво и обильно цветут осенью, в начале зимы и весной»⁹; в переводной популярной литературе: «**Зигокактус**, *Zygocactus* усеченный, «декабрист» (**Шлумбергера** усеченная)»¹⁰; в современной специальной литературе: «**Шлюмбергера** <...> Старое название рода – *зигокактус*. Народное название растения “декабрист”»¹¹.

Поиск в НКРЯ дает представление об употребительности вариантов:

листокактус, *филлокактус* – 0 примеров;
Варварин цвет – 0 примеров;
Рождественский кактус, *рождественник* – 0 примеров;
шлюмбергера – 0 примеров;
шлумбергера – 1 текст, 1 пример;
зигокактус – 5 текстов, 5 примеров;
декабрист – 1 179 текстов, 3 262 примера.

Очевидно, что подавляющее большинство употреблений лексемы *декабрист* относится к значению ‘участник декабрьского восстания 1825 г.’; примеры на употребление ее как названия растения можно обнаружить только с учетом лексической сочетаемости или трудоемким методом сплошной выборки. Таким образом можно найти 18 примеров, что немного, но существенно больше, чем для любого из упомянутых выше альтернативных вариантов. Ср.:

поиск «декабрист + название, прозвище»:

Среди многочисленных видов кактусов, растущих в наших комнатах, есть один, который в отличие от своих собратьев цветет зимой, за что он и получил среди любителей-кактусоводов прозвище «декабрист» [Т. Клевенская. Пустыня на подоконнике // «Химия и жизнь», 1965];

поиск «декабрист + цвести, зацвести»:

*Да! У меня зацвел «декабрист», отросток которого мне когда-то дала Туся [Т. Коробкина. Дневник (1989)]; Корни и цветки у кактусов обнаружить легко. Стебель у них сильно изменен, поскольку кактусы часто живут в пустынях. С первым примером колючек мы уже познакомились. Например, «кактус-декабрист» (*Phyllocactus*), который цветет на окнах зимой, родом из тропических лесов [В. Чуб. Что изучает наука ботаника? (1998)];*

поиск «декабрист + цветок»:

Полтора часа стояли зрители под снегопадом, а потом стали бросать на площадку цветы, выращенные на окне. В основном на снег ложилась герань. --- И еще к нам летели огромные белые, похожие на лилии, цветы – декабристы [Т. Тарасова, В. Мелик-Карамов. Красавица и чудовище (1984–2001)]; У меня стоит от Оли подарок десятки лет – цветок «декабрист» [А. Тахо-Годи. Жизнь и судьба: Воспоминания (2009)];

поиск «декабрист + цветок + стоять + на»:

Там стояла не работающая стиральная машина советских времен, вместо столика, и швейная машинка, и телевизор, который тоже не работал. На телевизоре стоял бодрый цветок «Декабрист» [Н. Черных. Слабые, сильные. // «Волга», 2015].

поиск «декабрист + подоконник»:

Затем она отметила, что «**декабрист**», гордо торчащий на **подоконнике** в старом треснутом горшке, произвел на свет бутон, готовый вот-вот лопнуть [Е. Маркова. Каприз фаворита (1990–2000)]; Вот они, на **подоконнике** – фиалки, **декабристы**, белокрыльчатки [А. Митрофанов. Путешествие в восьмидесятые годы (2001) // «Известия», 01.07.2001];

поиск «декабрист + горшок»:

Горшки с алоэ, **декабристом**, чудо-деревом, неподвижной кошкой, ажурными стенными часами, виднеющимся углом аквариума, в котором всплывали пузырьки и гуппи полоскали обгрызенные хвосты; репродукции «Незнакомки», «Трех богатырей», «Не ждали» [А. Иличевский. Известия // «Новый Мир», 2006];

поиск «декабрист + растение + подоконник + стоять + на»:

В его окнах на широких **подоконниках** стояли горшки с фиалками, глоксиниями и **растением «декабрист»** [М. Бару. Второй сон Любви Александровны // «Волга», 2015].

Показательно, что в приведенных примерах нашли отражение и вариативность названий, и ощущаемая авторами «ненормативность» обиходного именования (отметим употребление в кавычках и даже использование его в качестве имени собственного, прозвища); можно также обратить внимание на ряды, в которые встраивается рассматриваемое название.

В газетном корпусе НКРЯ большая часть альтернативных номинаций также отсутствует или представлена единичными примерами, зато наряду с **декабристом** встречается и современное научное название этого растения: **шлюмбергера**.

Она хорошо известна под другими именами: **Рождественник**, **Декабрист**, **Барварин цвет**, **Кактус Рождественский** и, наконец, **Зигокактус**. Родина этого растения – экваториальные леса Южной Америки, где оно живет на стволах других деревьев [А. Довганюк, научный сотрудник МСХА имени К. А. Тимирязева. Цветение наступает к Новому году // «Труд-7», 2001.12]; Куда практичнее приобрести такие нарядно цветущие зимой растения, как **шлюмбергеры (зигокактусы)**, каланхое, узумбарские фиалки, а из цветущих весной и летом, скажем, хойю (восковой плющ) [В. Дадыкин. Зеленый новосел // «Наука и жизнь», 2008].

Таким образом, корпусные данные подтверждают, что наиболее употребительным названием распространенного комнатного растения является именно **декабрист**, что приводит к вопросу о том, как эта лексема может отражаться в толковом словаре. Так, в ходе работы над АТoS была первоначально предложена словарная статья (впервые в толковой лексикографии):

ДЕКАБРЬСТ², -а, м. 1. одуш. Участник дворянского революционного движения, завершившегося восстанием 14 декабря 1825 г. <...>

2. Разг. Комнатное растение. **Декабрист** с красными цветами. Зацвел декабрист.

Однако толкование ‘комнатное растение’ было признано в процессе обсуждения недостаточным, чересчур широким. Другие же типичные способы толкования – через упоминание родового понятия, через нейтральный или терминологический синоним («Комнатное растение, разновидность кактуса»; «то же, что зигокактус / шлюмбергера») в данном случае также не представлялись оптимальными. В результате был предложен иной вариант описания значения слова с упоминанием совокупности основных отличительных признаков данного комнатного растения, в том числе и в иллюстративной зоне.

Кроме того, между стилистически нейтральным наименованием лица и разговорным наименованием растения, связанных с одним и тем же производящим словом **декабрь**, явно отсутствует семантическая связь. Более того, если первое слово мотивируется наименованием месяца однозначно, буквально «участник дворянского революционного движения, завершившегося восстанием 14 декабря 1825 г.», то мотивация названия растения предполагает известное допущение, расширительное понимание – «цветущее обычно зимой», в том числе и в декабре, так как это один из зимних месяцев. Было признано целесообразным описать данные лексические единицы как омонимы.

Словарная статья, описывающая значение фитонима **декабрист**, в итоге приобрела следующий вид:

ДЕКАБРЬСТ², -а, м. Разг. Засухоустойчивое комнатное растение с плоскими членистыми свисающими стеблями, цветущее обычно зимой. **Декабрист** с ярко-розовыми цветами.

ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ ФИТОНИМОВ В ШИРОКОМ КОНТЕКСТЕ

Отдельно следует сказать, что изучение названий растений трудно назвать узкоспециальной задачей лексикографической практики. Как представляется, эту ситуацию имеет смысл рассматривать как часть более широкой проблемы. Основной сложностью при составлении и редактировании словарных статей такого рода оказывается недостаток исследовательских трудов, к которым можно было бы обратиться в поисках информации или готовых решений, причем как в области лингвистики, так и в сфере естественно-научных дисциплин.

Названия растений давно и продуктивно изучаются в диалектологическом, историческом,

этнокультурном ключе (см. [8] и [5], [15], ср. также некоторые работы последних лет, например [10]), однако функционирование фитонимов в современном русском языке до сих пор не изучено должным образом, хотя существуют отдельные интересные и глубокие работы, посвященные частным случаям [3], [4], [7], [9], см. подробнее [6]. Обращаются исследователи и к проблеме соотношения обиходных и терминологических именованных, ср. [2]. Как показывают материалы основных баз данных (Crossref и др.), в современной научной литературе в целом ситуация не сильно отличается: более того, поиск по ключевым словам (phytonym и др.) дает преимущественно работы отечественных исследователей (за редкими исключениями, ср. [16]).

Специальных словарей названий растений, созданных в естественно-научной парадигме, также практически не обнаруживается: существующие источники либо имеют слишком специальный характер, либо труднодоступны (и уже несовременны)¹², тогда как зарубежные труды, особенно самых последних лет, принципиально англоязычны (и базируются на других теоретических основах в области систематики), ср. «Elsevier's dictionary of botany»¹³ 1979 года и похожее издание¹⁴ 2000 года. Следует подчеркнуть, что о необходимости сотрудничества между ботаниками и лингвистами упоминают и ботаники [11].

В то же время актуальна и востребована сама идея, что названия растений должны быть системно описаны, в том числе с лингвистических позиций (с особым вниманием к значению названий, их этимологии, правописанию, произношению и пр.), причем во всей совокупности названий – научных, обиходных, устаревших, синонимичных и омонимичных. Ср., например, обстоятельный и масштабный англоязычный проект с красноречивым названием «Мировой словарь названий растений: названия обиходные, научные, образованные от имен собственных, синонимы и этимология»¹⁵. К сожалению, для материала русского языка этот труд едва ли полезен. Можно отметить и своеобразное русское издание [1], которое также имеет своей целью предоставить максимальный объем информации о научных и народных ботанических названиях, но, несмотря на сотрудничество автора как с ботаниками, так и с лингвистами, носит ярко выраженный дилетантский характер и не содержит достоверного анализа бессистемно собранных данных. Ср., например, словарные статьи из двух

этих очень разных источников для рассмотренной выше лексемы *шлюмбергера* (= *декабрист*):

Schlumbergera Lem. Cactaceae

Origins: Named for the horticulturist Frédéric Schlumberger, 1823–1893; <...>

Species/Vernacular Names: <...> *S. truncata* (Haw.) Moran (*Epiphyllum truncatum* Haw.; *Zygocactus truncatus* (Haw.) K. Schum., *Zygocactus delicatus* N.E. Br.)

English: crab cactus, claw cactus, yoke cactus, Thanksgiving cactus, linkleaf, Christmas cactus

Japan: kani-saboten (Quattrocchi 2019: 2416).

Шлюмбергера – *Schlumbergera* [в честь франц. любителя суккулентных растений Фредерика Шлюмбергера]; Зигокактус, *Zygocactus* [< греч. *zygon* ярмо, кактус с ярмом, то есть поникший]; *Epiphyllanthus*; эпифитный –, литофитный кактус; зигокактус, декабрист, рекостав (Росс.), рождественский кактус, пасхальный кактус (Европ.), садовая шлюмбергера, Ш. притупленная, *Z. truncatus*, cv. (*Schl. truncata*, Ш. усеченная); сем. кактусовые. [3: 552]

Тем не менее очевидно, что проблема отсутствия системного описания названий растений осознается исследователями и работа в данном направлении ведется. Можно предположить, что эта задача является составной частью более широкой проблемы, связанной с недостаточностью осмысления взаимоотношений человека и живой природы, хотя экологические темы в обществе играют заметную роль (к сожалению, в последнее время – нередко в демагогическом ключе). Так, с 1990-х годов американскими ботаниками был предложен термин *plant blindness* («слепота к растениям») [12], [13] – неспособность осознать важность растений из-за неумения их «увидеть», различить и идентифицировать (в частности – правильно назвать) в современном урбанизированном мире, ср. [14].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно утверждать, что в современном русском языке названия растений не составляют однозначной и стилистически нейтральной ботанической номенклатуры. У одного растения может быть несколько названий, различающихся диахронически, стилистически, функционально и т. п. Одно название может относиться к разным растениям. В фитонимической сфере действуют сложные семантические процессы, существуют синонимические, омонимические, родо-видовые отношения, развивается многозначность.

Ботанические и общезыковые названия могут отражать различное восприятие объективной действительности. Толковый словарь должен описывать названия растений, ориентируясь на общезыковое, а не на специальное употребление.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ СУ – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4. М.: ОГИЗ, 1935–1940.
- ² БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л.; Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- ³ МАС – Словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Русский язык, 1981–1984.
- ⁴ СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997.
- ⁵ СШв – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2007.
- ⁶ АТОС – Академический толковый словарь русского языка. Т. 1: А – Вилять; Т. 2: Вина – Гяур / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2016.
- ⁷ БЭС – Биологический энциклопедический словарь / Гл. ред. М. С. Гиляров. М.: Советская энциклопедия, 1986.
- ⁸ НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 20.05.2023).
- ⁹ Киселев Г. Е. Комнатное садоводство. М.: Сельхозгиз, 1956. 504 с.
- ¹⁰ Хессайон Д. М. Всё о комнатных растениях. М.: Кладезь-Букс, 2004. 255 с.
- ¹¹ Воронцов В. В. Комнатные растения от А до Я. М.: Фитон+, 2013. 368 с.
- ¹² Шрётер А. И., Панасюк В. А. Словарь названий растений = Dictionary of Plant Names. Koenigstein: Koeltz Scientific Books, 1999. 1033 с.
- ¹³ Elsevier's dictionary of botany. I. Plant names in English, French, German, Latin and Russian. Macura P. (ed.). Amsterdam: Elsevier Scientific Publishing Company, 1979.
- ¹⁴ Elsevier's dictionary of plant names and their origin. Watts D. C. (ed.). Amsterdam: Elsevier, 2000.
- ¹⁵ Quattrocchi, U. CRC World Dictionary of Plant Names: Common Names, Scientific Names, Eponyms, Synonyms, and Etymology. Vol. I–IV. Boca Raton: CRC Press; Taylor&Francis, 2019.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бугаёв И. В. Научные и народные названия растений и грибов: Научно-популярное издание. Томск: ТМЛ-Пресс, 2010. 688 с.
2. Голев Н. Д. Словарь обыденных толкований слов: концепция и опыт реализации // Вопросы лексикографии. 2013. № 2 (4). С. 48–64.
3. Иомдин Б. Л. О «неправильном» использовании терминов: может ли язык ошибаться? // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 233–251.
4. Каминская Ю. А. Лексический класс, его семантический и фразеологический потенциал (названия растений и растительных организмов в современном русском литературном языке): Дис. ... канд. филол. наук. М.: ИРЯ РАН, 2002. 223 с.
5. Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. 352 с.
6. Кулева А. С. О названиях растений в лингвистической перспективе: «Растения Средиземья», словари и переводы // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 115–131. DOI: 10.31857/0373-658X.2020.5.115-131
7. Кулева А. С., Пестова А. Р. О названиях экзотических фруктов: современный взгляд и лексикографическая традиция // Русская речь. 2020. № 2. С. 76–91. DOI: 10.31857/S013161170009273-9
8. Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М.: Наука, 1967. 259 с.
9. Протасова Е. Ю. Герань или пеларгония: модернизация понятия // Филологический вестник. 2014. № 1. С. 111–120.
10. Разина А. С. Проект этнолингвистического словаря «Мир, отраженный в народных названиях растений» // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 34–45. DOI: 10.17223/15617793/457/4
11. Цвелёв Н. Н. О русских названиях семейств покрытосеменных растений // Новости систематики высших растений. 2010. № 42. С. 24–29.
12. Allen W. Plant blindness // BioScience. 2003. No. 53 (10). P. 926. DOI: 10.1641/0006-3568(2003)053[0926:PB] 2.0.CO;2
13. Balding M., Williams K. J. H. Plant blindness and the implications for plant conservation // Conservation Biology. 2016. No 30. P. 1192–1199.
14. Knapp S. Are humans really blind to plants? // Plants, People, Planet. 2019. No 1 (3). P. 164–168. DOI: 10.1002/ppp3.36
15. Kolosova V., Kovalenko K. Images of plants in Old Russian heritage: Materials of Phytalex database // The International scientific conference “Plant Diversity: Sociocultural Dimensions and Interdisciplinary Projections”. 21–22 November 2019. Sofia, 2019. P. 27.
16. Svanberg I., Hällzon P., Ståhlberg S. Glimpses of Loptuq folk botany: Phytonyms and plant knowledge in Sven Hedin's herbarium notes from the Lower Tarim River area as a source for ethnobiological research // Studia Orientalia Electronica. 2019. No 7. P. 96–119. DOI: 10.23993/store.76475

Поступила в редакцию 20.12.2023; принята к публикации 12.02.2024

Oksana M. Grunchenko, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-8754-6975; ogrun@yandex.ru

Anna S. Kuleva, Cand. Sc. (Philology), Leading Researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-6536-3943; an_kuleva@mail.ru

REVISITING THE EXPLANATORY DICTIONARY ENTRIES FOR PLANT NAMES

Abstract. The lexicographic description of phytonyms (plant names) has become a pressing issue due to the inadequate, conflicting, and outdated information found in current explanatory dictionaries. The traditional scientific approach employed by lexicographers of the past seems questionable, as the standard template definitions (such as “herbaceous plants in the Asteraceae family”) are often uninformative and sometimes inaccurate or incorrect in terms of the natural science paradigm. Limiting the description of plant names to solely scientific nomenclature has resulted in the exclusion of outdated, alternative, colloquial and other names from explanatory dictionaries, leading to the artificially limited and stylistically neutralized representation of plant vocabulary. An examination of contemporary resources, particularly corpus data, indicates that explanatory dictionaries should aim to reflect the common rather than the specialized usage of plant names. Hence, plant names constitute a large and heterogeneous group of words connected through intricate semantic relationships, with one plant potentially possessing multiple names that vary diachronically, stylistically, and functionally, while one name may be applied to various plants. Consequently, the lexicographic description of plant names should be based on linguistic principles.

Key words: lexicography, lexicology, explanatory dictionary, phytonyms, plants

For citation: Grunchenko, O. M., Kuleva, A. S. Revisiting the explanatory dictionary entries for plant names. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(3):36–44. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1022

REFERENCES

1. Bugaev, I. V. Scientific and folk names of plants and mushrooms. Tomsk, 2010. 688 p. (In Russ.)
2. Golev, N. D. The dictionary of the common interpretation of Russian words: the conception and the experience of its implementing. *Russian Journal of Lexicography*. 2013;2(4):48–64. (In Russ.)
3. Iomdin, B. L. The “incorrect” use of terms: can the language be mistaken? *Meanings, texts, and other fascinating issues: Collection of articles dedicated to the 80th anniversary of I. A. Melchuk*. Moscow, 2012. P. 233–251. (In Russ.)
4. Kaminskaya, Yu. A. Lexical class, its semantic and phraseological potential (names of plants in the modern standard Russian language): Diss. Cand. Sc. (Philology). Moscow, 2002. 223 p. (In Russ.)
5. Kolosova, V. B. Lexicon and symbolism of Slavic folk botany. The ethnolinguistic aspect. Moscow, 2009. 352 p. (In Russ.)
6. Kuleva, A. S. Plant names in the linguistic perspective: *Flora of Middle-Earth*, dictionaries, and translations. *Voprosy Jazykoznanija*. 2020;5:115–131. DOI: 10.31857/0373-658X.2020.5.115-131 (In Russ.)
7. Kuleva, A. S., Pestova, A. R. On the names of exotic fruits: a modern look and lexicographical tradition. *Russian Speech*. 2020;2:76–91. DOI: 10.31857/S013161170009273-9 (In Russ.)
8. Merkulova, V. A. Essays on Russian folk plant terminology. Moscow, 1967. 259 p. (In Russ.)
9. Protasova, E. Yu. Geranium or pelargonium: modernization of a concept. *Ural Journal of Philology*. 2014;1:111–120. (In Russ.)
10. Razina, A. S. The project of the dictionary The World Reflected in the Folk Names of Plants. *Tomsk State University Journal*. 2020;457:34–45. DOI: 10.17223/15617793/457/4 (In Russ.)
11. Tzvelev, N. N. On the Russian names of the Magnoliophyta families. *Novitates Systematicae Plantarum Vascularium*. 2010;42:24–29. (In Russ.)
12. Allen, W. Plant blindness. *BioScience*. 2003;53(10):926. DOI: 10.1641/0006-3568(2003)053[0926:PB]2.0.CO;2
13. Balding, M., Williams, K. J. H. Plant blindness and the implications for plant conservation. *Conservation Biology*. 2016;30:1192–1199.
14. Knapp, S. Are humans really blind to plants? *Plants, People, Planet*. 2019;1(3):164–168. DOI: 10.1002/ppp3.36
15. Kolosova, V., Kovalenko, K. Images of plants in Old Russian heritage: Materials of Phytalex database. *The International scientific conference “Plant Diversity: Sociocultural Dimensions and Interdisciplinary Projections”*. 21–22 November 2019. Sofia, 2019. P. 27.
16. Svanberg, I., Hällzon, P., Ståhlberg, S. Glimpses of Loptuq folk botany: Phytonyms and plant knowledge in Sven Hedin’s herbarium notes from the Lower Tarim River area as a source for ethnobiological research. *Studia Orientalia Electronica*. 2019;7:96–119. DOI: 10.23993/store.76475

Received: 20 December 2023; accepted: 12 February 2024